

Литвиненко Ю. Г. Утверждения первых коммунистических гуртков в Индии // *Вісник Харківського університету №104. Серія Історія. Випуск 8. X., 1974. С. 36 – 41.*

Литвиненко Ю. Г. Индийски коммунисти і робітничо-селянські партії // *Вісник Харківського університету №118. Серія Історія. Випуск 9. X., 1975. С. 80 – 86.*

Литвиненко Ю. Г. Ставлення комуністів Індії до Національного конгресу в 1921-1922 роках // *Питання нової і новітньої історії. Випуск 22. X., 1976. С. 70 – 79.*

Литвиненко Ю. Г. Діяльність індійських комуністів у профспілках в 1921-1934 роках // *Питання нової і новітньої історії. Випуск 23. X., 1977. С. 72 – 81.*

Литвиненко Ю. Г. Національно-освободительное движение в Индии в 1918-1922 гг. рабочий класс // *Вестник Харьковского университета. №238. История и культура доисторических формаций. X., 1983. С. 10 – 15.*

Литвиненко Ю. Г., Чувило А. А. Индийский национальный конгресс и халифатистское движение // *Вопросы новой и новейшей истории. Выпуск 34. K., 1988. С. 94 – 103.*

Резюме

Чувило А. А., Ученики А. П., Ковалевского: Ю. Г. Литвиненко

В статье освещается жизнь и научное наследие Ю. Г. Литвиненко (1929-1990) – одного из ведущих украинских индологов, ученика выдающегося ориенталиста А. П. Ковалевского. Научное наследие Ю. Г. Литвиненко условно разделено на четыре рубрики: 1) труды по истории рабочего движения в Британской Индии; 2) сочинения по истории индийского коммунистического движения; 3) работы по истории национально-освободительного движения народов Индии; 4) индологические публикации в Украинской советской энциклопедии. Автор пришел к выводу, что хотя Ю. Г. Литвиненко и не выдвинул фундаментальных концепций истории индийского рабочего и национально-освободительного движения, он внес посильный вклад в становление и развитие украинской индологии.

Summary

Chuvpilo A. A. The Disciples of A. P. Kovalevsky: Yu. G. Litvinenko

The life and scientific heritage of one of the leading Ukrainian indologist, a disciple of the prominent orientalist A. P. Kovalevsky, Yu. G. Litvinenko (1929-1990). There are studied in the article Yu. G. Litvinenko's scientific heritage is conditionally divided into four parts: 1) works from the history of the labour movement in the British India; 2) essays on the history of Indian communist movement; 3) studies on the history of national liberation movement of Indian peoples; 4) indological publications in the Ukrainian Soviet Encyclopaedia. The author has concluded that though Yu. G. Litvinenko has not promoted any fundamental conception of the history of the Indian labour and national liberation movement he had made certain contribution in rise and development of Ukrainian indology.

А. А. Чувило
Харьков

Востоковедческая деятельность Б. А. Дорна в Харьковском университете

Борис Андреевич (Бернгард Альбрехт) Дорн (1805-1881) был одним из наиболее выдающихся российских ученых-востоковедов XIX столетия. Член Российской академии наук, многолетний директор Азиатского музея и Императорской публичной библиотеки, крупнейший специалист по афганистике, восточным рукописям и монетам, он большую часть своей жизни проработал в Петербурге, вследствие чего в работах по истории российского востоковедения Б. А. Дорн всегда выступает как чисто петербургский ученый. Однако начальный период его научно-педагогической деятельности в Российской империи был связан отнюдь не со столицей, а с Харьковом и Харьковским университетом. Этому обстоятельству обычно не уделяется должного внимания, ибо принято считать, что в Харьков Дорн попал едва ли не случайно, и его пребывание здесь не имело серьезного значения для дальнейшей карьеры ученого. Эта точка зрения основывается на весьма скудных данных о работе Дорна в Харькове, которые имеются на сегодняшний день в литературе по истории ориенталистики и Харьковскому университету. Между тем, детальный анализ многочисленных материалов, сохранившихся в архивных и библиотечных фондах, позволяет по-новому взглянуть на харьковский этап деятельности Дорна, выявив его истинное значение для истории отечественной ориенталистики.

Научная карьера Б. А. Дорна началась задолго до приезда в Харьков – на его родине, в Германии. Он родился 11 мая (20 апреля) 1805 г. в деревне Шейерфельд в Саксен-Кобургском княжестве [Дорн 1882, 2]. Начальное образование получил у отца, средне – в Кобургской гимназии, которую окончил в 1822 г. [Историко-филологический факультет 1908, 220]. В том же году он поступил на богословский факультет университета Таппе, но уже в 1823 г. перешел в Лейпциг, где под влиянием ориенталиста Э. Ф. Розенмюллера (1768-1835) увлекся изучением восточных языков и литератур [Дорн 1882, 3; Dugat 1868, 75]. С самого начала своей востоковедческой деятельности Дорн, наряду с традиционными для европейского востоковедения языками (персидский, арабский, древнееврейский и санскрит), избрал для изучения достаточно редкими малознаменными эфиопский и вфганский. Успехи его были настолько значительны, что уже в 1825 г. он смог защитить докторскую диссертацию «Комментарии к эфиопскому псалтырю» [Dorn 1825] и получить приват-доцентуру в Лейпцигском университете. Эта работа обратила на Дорна внимание востоковедов всей Европы, в том числе таких крупных специалистов, как де Саси [Историко-филологический факультет 1908, 221; Dugat 1868, 75]. Однако Дорн не остановился на достигнутом, и в 1827 г. награвился в Гамбург для углубленного изучения персидского языка. Результатом этих занятий стали две работы, вышедшие в том же году и обеспечившие Дорну имя среди иранистов, – перевод из поэмы «Гюлис-

тан» персидского поэта Саади [Dorn 1827] и сравнительно-лингвистическое исследование персидского, германских, греческого и латинского языков [Dorn 1827a]. В следующем году немецкий ученый посетил Париж, где под руководством С. де Саси и Г. Кларпорта усовершенствовал свои познания в арабском, персидском и турецком языках а также в санскритологии [Dugat 1868, 76]. Затем он переехал в Лондон, для изучения восточных рукописей королевской библиотеки. Закончив эту работу, Дорн 21 февраля 1829 г. прочитал в Королевском Азиатском обществе доклад о кувфических надписях на средневековом арабском глыбсе персидской работы, который тогда же был опубликован и закрепил за ученым статус знатока восточной астрономии и крупного арабиста [Dorn 1828]. Ещё более значительным вкладом Дорна в востоковедение стал законченный тогда же в Лондоне первый том перевода на английский язык «Истории афганцев» придворного историка Великого Могола Джагангана Ни'амметулы (1605-1628) [Dorn 1829]. Эта работа продемонстрировала способность Дорна как выдающегося афганиста, что сыграло немалую роль во всей его дальнейшей судьбе.

Таким образом, к концу 20-х гг. XIX в. Дорн был уже видным ученым-ориенталистом, известным в основных центрах Европы и проявившим себя одновременно в афганистике, иранистике, арабистике, сравнительном языкознании и афиологической филологии. Неудивительно, что его заметили и в России, нуждавшейся в профессиональных ученых-ориенталистах. Особенно остро эта потребность ощущалась в российских университетах, где в соответствии с требованиями устава 1805 г. существовали специальные кафедры восточных языков. Наиболее тяжелое положение с замещением подобной кафедры сложилось в Харькове. Она пустовала здесь с момента кончины первого ее преподавателя И.Г. Баренда в конце 1805 г., и все попытки привлечь сюда кого-либо из европейских ориенталистов долгое время не имели успеха [см.: Чувилюк 2004, 189-200]. Удача сопутствовала университетской администрации только в 1826 г., когда, отказавшись от поиска именитых ученых, на кафедру решили пригласить молодого, но очень перспективного востоковеда Б.А. Дорна. Его рекомендовал один из крупнейших российских ориенталистов того времени, профессор Казанского университета Х.Ф. Френ, причем основанием для этого послужила докторская диссертация Дорна, которой Френ дал исключительно высокую оценку [АРНБ ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10]. Совет университета прислушался к мнению казанского профессора и в конце 1826 г. избрал Б.А. Дорна профессором по кафедре восточных языков [Багалей 1904, 488-489]. В отличие от предыдущих кандидатов на замещение кафедры Дорн сразу же принял предложение, так как по молодости лет вряд ли мог рассчитывать на профессорскую должность в Германии. Позиция университета была сразу же подтверждена и вышестоящими инстанциями. В начале 1827 г. попечитель Харьковского учебного округа А. А. Перовский обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о предоставлении Дорну должности ординарного профессора, отметив его исключительно высокий научный уровень и указав на крайнюю потребность Харьковского университета в подобном специалисте [АРНБ ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10]. 1 июня 1827 г. министр А. С. Шишков издал указ об утверждении Б.А. Дорна в должности и предоставлении ему средств на содержание и проезд до Харькова [АРНБ ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10-16-11, фом. спец., Куликова 1993, 229, № 284; Багалей 1904, 351]. В течение последующих двух лет между Харьковским университетом и Дорном велась переписка об условиях работы, проживании, проезде, характере преподавания и т.п., и только в октябре 1829 г. немецкий ученый прибыл в Харьков [Куликова 1975, 221-222; Багалей 1904, 352].

Привлечение такого перспективного специалиста, как Б.А. Дорн, на пустовавшую в течение четверти века кафедру восточных языков, несомненно, было значительным успехом университета и открывало возможности для развития в Харькове по долному научному востоковедению. Прибыв в город осенью 1829 г., Дорн сразу же приступил к преподаванию востоковедческих дисциплин на таком уровне и в таких масштабах, каких Харьковский университет ещё не знал.

Точный перечень курсов, которые читал Дорн в Харькове, не сохранился. В трудах по истории Харьковского университета об этом говорится лишь в самых общих чертах [Историко-филологический факультет 1908, 222; Ковалевский 1961, 29]. Однако материалы ежегодного издававшихся в университете «Объявления публичного преподавания наук» позволяют восстановить этот перечень едва ли не полностью.

Какие предметы Дорн читал в первый год своей преподавательской деятельности точно неизвестно, ибо в «Объявлении преподавания» за 1829/1830 уч. год его курсы не успели внести [Объявление публичного преподавания 1829, 23]. Тем не менее, в «Объявлении преподавания» за 1830/31 уч. год сообщается, что Дорн прежде всего «будет продолжать изъяснение персидской хрестоматии Болдырева» [Объявление публичного преподавания 1830, 22]. Курсы же арабского языка и санскрита упоминаются здесь как читаемые впервые. Следовательно, в 1829/30 г. Дорн преподавал, судя по всему, только персидский язык по хрестоматии Болдырева, видимо, используя её первый том, содержавший начальное грамматическое пособие и словарь [Болдырев 1826].

В 1830/31 г. Дорн, помимо «изъяснения хрестоматии Болдырева», преподавал арабскую грамматику по руководству Болдырева [Болдырев 1826], после чего предлагал заняться «изъяснением Корана, изданного в Казани» [Объявление публичного преподавания 1830, 22]. В качестве факультатива Дорн предлагал желающим изучать санскрит.

В 1831/32 г. сфера преподавания была значительно расширена. Ученый в этот год вновь продолжал изъяснение персидской хрестоматии Болдырева, а в области арабского перешел к «Арабской хрестоматии» того же автора, после чего опять намеревался вернуться к Корану [Объявление публичного преподавания 1831, 13]. Один час в неделю он посвящал также лекциям по истории персидской литературы [Объявление публичного преподавания 1831, 14]. Факультативы в этот год состояли в изучении санскрита, древнеаравского и эфиопского языков [Объявление публичного преподавания 1831, 14].

В следующем, 1832/33 уч. году Дорн читал «начала персидского языка» по собственному сочинению, «начала арабского» по грамматике Болдырева, и после окончания этих курсов переходил к переводам из обеих хрестоматий Болдырева. Кроме того, он опять «продолжал изъяснять» персидскую хрестоматию Болдырева и Коран. На каждый предмет отводился один час в неделю, и занятия могли посещать студенты всех трех курсов. Факультативы в этот год не объявлялись [Объявление публичного преподавания 1832, 11].

Что Дорн преподавал в 1833/34 уч. году точно не известно, так как «Объявления преподавания» за этот год не сохранились. В июле 1834 г. учёный поехал в командировку в Вильно, в которой пребывал до августа 1835 г. С осени 1835 г. опять приступил к чтению лекций, но какие предметы он преподавал, теперь также не ясно, ибо и за этот год «Объявления преподавания» не сохранились. Вместе с тем, из официальных документов Министерства известно, что после того, как новым общеуниверситетским уставом 1835 г. было введено обязательное преподавание турецкого языка [Общий устав

1837, 34], администрация Харьковского университета возложила эту обязанность на Дорна [Веселовский 1876, 202; *Общий отчет* 1836, 102]. При этом занятия по турецкому проходили два раза в неделю, но продолжались очень недолго, так как в октябре 1835 Дорн покинул Харьковский университет окончательно.

В «Кратком очерке истории Харьковского университета», написанном Д. И. Багалею, В. П. Бузескулом и Н. Ф. Сумцовым, сообщается, что Дорн какое-то время читал факультатив по турецкому языку [Багалею, Сумцов, Бузескул 1906, 60]. Это могло произойти только в 1833/34 уч. году, так как ранее факультатив по турецкому не объявлялся, а в 1835 г. этот язык вошел в число обязательных предметов. Очевидно, информация о факультативе и была заимствована авторами «Краткого очерка» из несохранившегося «Объявления преподавания» за 1833/34 г. В этом же исследовании упоминается, что Дорн читал турецкий по хрестоматии Летельера [Багалею, Сумцов, Бузескул 1906, 60]. Эти данные должны быть отнесены к 1835 г., когда турецкий стал читаться официально, поскольку пособия для факультативов в документах никогда не указывались. Автор «Краткого очерка» упоминает также о чтении Дорном персидского языка по грамматике Вольнера [Багалею, Сумцов, Бузескул 1906, 60]. Эта информация может отражать только лекции 1833/34 или 1835 гг., ибо ранее Дорн читал персидский только по хрестоматии Болдырева и «собственному сочинению».

Из приведенного перечня преподавания видно, что основными предметами Дорна были уже утвердившиеся в России в качестве основных востоковедческих дисциплин арабский и персидский. Курс этих языков, очевидно, как и в других российских университетах, был рассчитан на три года. Этим объясняются повторения почти одинаковых предметов в № курсах «Объявлениях преподавания», как например в 1832/33 — «переводы из арабского и персидской хрестоматии Болдырева» и «изъяснение» хрестоматии Болдырева и Корана, продолжавшиеся в качестве независимого предмета. Вообще же, каждая формулировка «будет продолжать изъяснять...», без сомнения, означает, что данный предмет читался уже в прошлом году. К подобным формулировкам приходилось прибегать потому, что расписание предметов Дорна невозможно было распределить по курсам факультета, его занятия посещали одновременно студенты всех трех лет обучения. Исходя из этих обстоятельств, на основании приведенного перечня преподаваний Дорна, можно представить программу его трехгодичных курсов арабского и персидского следующим образом.

Персидский язык:

1-й год: «начала языка» по собственному сочинению и второму тому хрестоматии Болдырева, а с 1835 г. — по пособию Вольнера; начало изъяснения текстов из хрестоматии Болдырева, очевидно, закончавшееся в простом переводе.

2-й год: «изъяснение» хрестоматии Болдырева, видимо, включавшее в себя не только перевод, но и исторические и литературные комментарии.

3-й год: «изъяснение» наиболее сложных текстов из хрестоматии Болдырева; курс истории персидской литературы, который читался в последний год и в других российских университетах.

Арабский язык

1-й год: «начала языка» по грамматике Болдырева, начальные переводы из Корана, а с 1832 г. — из хрестоматии (очевидно, новой) Болдырева.

2-й год: «изъяснение» текстов хрестоматии Болдырева и более сложных текстов Корана.

3-й год: изъяснение наиболее сложных мест Корана. Примечательно, что «первый год», судя по «Объявлениям преподавания», для персидского языка начался в 1829, а затем — в 1832 г., для арабского — в 1830 и 1832 г. Следовательно, Дорн не каждый год начинал курс преподавания с начала, очевидно, из-за малочисленности студентов. Видимо, он предпочитал довести до определенного уровня тех, кто уже заинтересовался языками, а затем набирать новых слушателей. Вместе с тем, «изъяснение» хрестоматии Болдырева продолжалось и в четвертый год преподавания персидского языка (1832/33) [Объявление публичного преподавания 1832, 11], хотя в 1830/31 и 1831/32 г. «новых наборов» не было, ибо «первый год» не объявлялся. Это, возможно, объясняется тем, что в первом полугодии 1831/32 г., занятия на всех факультетах были прерваны на довольно длительное время из-за эпидемии холеры и беспорядков на западной окраине (польского восстания 1830-1831 гг.) [Извлечения из отчета 1832, 6-7], вследствие чего студентам приходилось наверстывать материал в последующем полугодии, что сдвинуло установленный распорядок занятий.

Главным пособием, которое использовал Дорн для своих занятий по персидскому языку, являлась, как видно из реестра преподаваний, «Персидская хрестоматия» А. В. Болдырева [Болдырев 1826]. «Изъяснение» приведенных в ней текстов Дорн проводил каждый год для студентов, изучающих персидский более одного семестра. Такое широкое использование данной хрестоматии, очевидно, было вызвано ее высокими качествами как учебного пособия. Здесь были собраны отрывки из самых различных произведений персидской литературы, а также приведены целиком многие стихотворения и поэмы. Материал располагался по степени усложнения, что позволяло Дорну использовать хрестоматию в последовательном порядке с первого по третий год обучения. Многие приведенные здесь произведения, без сомнения, были отлично известны Дорну по его предшествующей научной деятельности (например, «Гюлистан» Саеди), и при их «изъяснении» ученый мог успешно поделиться со студентами собственным опытом работы в этой области.

Широко использовал Дорн и «Краткую арабскую грамматику» А. В. Болдырева [Болдырев 1827], что также объясняется высокими качествами этого пособия [Крачковский 1957, 59]. «Арабская хрестоматия», напротив, использовалась в ограниченных масштабах, очевидно, потому, что не изобиловала интересными фрагментами и содержала многочисленные ошибки в передаче арабского текста [Крачковский 1957, 59]. Поэтому Дорн предпочитал использовать для занятий по арабскому Коран, хотя не исключено, что этот памятник желали «изъяснять» в первую очередь сами студенты. Занятия по изъяснению Корана для изучающих арабский второй и третий год превратились, видимо, в какие-то особые лекции по корановедению, где арабский был только средством для изучения мусульманского канона. Об этом свидетельствует, в частности, то факт, что в «Объявлениях преподавания», зачастую, говорится только об «изъяснении Корана» без упоминания арабского языка.

Вызывает интерес и язык, составившие предмет факультативов Дорна. Все они избраны для преподавания отнюдь не случайно. Древнееврейский и санскрит были в то время излюбленными востоковедными дисциплинами европейских университетов и, избрав их для преподавания, Дорн, видимо, надеялся приблизить харьковское востоковедение к западному образцу. Эфиопский язык (геэз) никогда ранее не преподавался в России и был уникальным даже для европейских университетов [Ольдероэз 1957, 26].

Поэтому введение его в программу университетского преподавания придавало Харьковскому востоковедению новаторский характер. Примечательно, что в этом деле Дорн нашел в России продолжателей: гезз впервые после него стал преподавать только в начале XX в. Б. А. Туревский в Петербургском университете [Крочковский 1957, 55].

Однако студенты, видимо, не разделяли энтузиазма Дорна в изучении языков, имеющих только научное значение. Лишь курс санскрита был объявлен ученым дважды (1830 и 1831 гг.), что предполагает наличие какой-то группы слушателей. Древнееврейский и гезз объявлялись только в 1831 г. и, видимо, группы по изучению этих языков сформировать так и не удалось. В 1832 г. факультативы вообще были отменены, так и Дорн, судя по всему, убедился в бесперспективности этих занятий. Тем не менее, с идеей факультатива он не оставил и постарался подобрать для него более приемлемый современный язык, который бы мог вызвать интерес у студентов. Таким стал турецкий, только начинавший в те годы получать признание у ориенталистов [Коновалов 1981, 55]. На мысль о преподавании этого языка Дорна, очевидно, наводило современное политическое положение России, находящейся в состоянии многолетнего конфликта с Турцией и крайне заинтересованной в развитии османности. Определенным стимулом Дорна в этом отношении мог послужить визит в Харьков в 1830 г. турецкого посла Пилип-Рашид-паши в ходе его поездки по военным поселениям России [см.: Документ РГВИА 1995]. Турецкий посланник встречался в Харькове с представителями местной общественности, в том числе – с В. Н. Каразиным [Каразин 1910, 775], и не исключено, что в этой встрече мог принимать участие и сам Дорн, вряд ли упущивший случай пообщаться с носителем восточного языка.

Факультатив турецкого был объявлен Дорном, как уже упоминалось, очевидно, в 1834 году, то есть за год до введения этого языка в официальную программу российских университетов. Этот факт показывает, что Дорн весьма тонко чувствовал потребность своей новой родины в области развития ориенталистики.

В научной литературе господствует мнение о том, что лекции Дорна в Харькове пользовались популярностью вследствие их недоступности для большинства студентов, и ученому так и не удалось сформировать стабильную группу слушателей и тем более оказать влияние на научные интересы кого-либо из них [Крочковский 1957, 54–5]. *История отечественного востоковедения* 1990, 114; Багалей 1904, 606–609; Куликова 1986, 25; Данциг 1973, 107; Куликова 1975, 221]. В основе этого вывода лежат воспоминания учившихся в то время в университете Н. И. Костомарова и его неизвестного имени современника, приводимые Д. И. Багалеем [Багалей 1904, 108–109]. Костомаров, в частности, упоминает, что лекции Дорна собирали очень мало слушателей, так и проводились на плохо понятном большинству студентов латинском языке и к тому же исключительно раннее время – с 6 до 7 часов утра [Багалей 1904, 608–609; Костомаров 1890, 65]. На малодоступность лекций как главную причину их непопулярности указывает и неизвестный современник Костомарова: «С одной стороны, недостаточное знание латинского языка и неумение владеть им представляли неодолимые трудности для студентов; с другой – роскошные вымыслы фантазии и своеобразные произведения Востока, носившие особый, только им свойственный характер, нелегко поддавались тяжелым формам римской речи, выработавшейся при иных условиях народной жизни» [Багалей 1904, 609]. Эти свидетельства действительно дают основания для заключений об отсутствии у студентов всякого интереса к занятиям Дорна. Однако никто из современ-

исследователей не обращает внимания на тот факт, что данные сообщения принадлежат людям, которые посещали занятия Дорна в первые годы его работы в университете, причем не более одного-двух раз, просто «из интереса». Исключительный субъективизм этих суждений подтверждают слова самого Костомарова: «Думаю, что Дорн при всех своих способностях едва ли мог вообще иметь большое влияние на студентов, читая по-латыни восточные языки» [Костомаров 1890, 66]. Следовательно, Костомаров не утверждает, а только предполагает отсутствие у Дорна возможности «влиять на студентов», основываясь при этом на личных субъективных впечатлениях, а не на твердо известных ему фактах. Не вызывает сомнений также, что Дорн далеко не всегда читал лекции на латинском. Сам Костомаров говорит, что к своему отъезду из Харькова немецкий ученый прекрасно освоил русский [Костомаров 1890, 66]. Тот же факт, что уже в 1833 г. Дорн выпустил работу о сравнении славянских, в том числе и русского, языков с санскритом (см. ниже) и с первого года работы активно использовал для своих занятий русскоязычные учебные пособия свидетельствует о достаточно сносном владении им русским языком и в более ранний период и, следовательно, отсутствию столь жесткого языкового барьера между ученым и его слушателями, как это можно предполагать на основании высказываний Костомарова и его современника.

Источники документального характера свидетельствуют о том, что в течение 1829–1835 гг. у Дорна была стабильная группа слушателей, продолжавших из года в год изучать персидский и арабский языки. Ведь не случайно в «Объявлениях преподавания» постоянно упоминались курсы «второго» и «третьего» годов обучения. Более того, к 1832/1833 г. появились желающие заняться изучением персидского и арабского языков с начала, что побудило Дорна организовать курс «первого года» обучения. Конечно, группы слушателей Дорна были немногочисленны, но малочисленность студентов на востоковедческих дисциплинах была характерна в те годы для всех российских университетов, в том числе и тех, где занятия велись исключительно на русском [Мазутова 1972, 64; Куликова 1986, 57–59; Стариков 1960, 153]. Только факультативы Дорна не пользовались, как мы видели, успехом у слушателей.

О том, были ли у Дорна ученики, освоившие восточные языки на достаточно высоком уровне, судить трудно. Преемников на кафедре после себя он не оставил, ибо, видимо никто из его студентов не пожелал сдать востоковедческие дисциплины своей специальностью.

Кроме работы со студентами, Б. А. Дорн занимался восточными языками с преподавателями университета. Известно, что в 1830–1831 гг. он обучал персидскому языку преподавателя российской словесности В. Якимова, который достиг в этом деле определенных успехов [Багалей 1904, 202].

Уделяя Дорн внимание и организаторской деятельности в области востоковедения, стремился создать в Харьковском университете солидную научно-методическую базу для занятий ориенталистикой. В начале 1832 г. по его инициативе в Министерство народного просвещения было направлено ходатайство о покупке в Лондоне литературы по восточной (персидской и арабской) словесности [РГИА, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 743, л. 16]. Ходатайство удовлетворили, и 11 марта 1832 г. министр народного просвещения И. А. Ливень издал распоряжение о прерисрощении к посланнику в Лондон векселя на сумму 2466 руб. ассигнациями для покупки литературы, указанной в списке Дорна [РГИА, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 743, л. 17]. Упомянутый список не сохранился, и поэтому неизвестно

какая именно это была литература. Вместе с тем, не вызывает сомнений, что с помощью покупки Дорн надеялся ликвидировать катастрофическую нехватку востоковедческих изданий в библиотеке университета, о чем упоминалось в хатайстве [РГИА, 733, оп. 49, ед. экр. 743, л. 16]. Возможно, именно в результате этой акции Дорн получил персидскую хрестоматию Вольера и турецкую хрестоматию Лепельера, по которым читал лекции в 1833-1835 гг.

Заболитис Дорн и о приобретении аутентичных источников на восточных языках. Лейпцига он привез с собой два турецких дефтера XVI в. [Ковалевский 1934, 105-106], которые до настоящего времени сохраняются в Центральной научной библиотеке Харьковского университета. Кроме того, как показал А.П. Ковалевский, по инициативе Дорн университет приобрел еще 23 рукописных восточных источника, из которых один представлял собой индийский литературный текст XVII в., пять – арабские рукописи XV-XVI вв., два – турецкие дефтеры XVIII в., остальные – персидские и арабские литографические рукописи XVII-XVIII вв. [Ковалевский 1934, 93-115]. Очевидно, некоторые из этих рукописей Дорн использовал во время занятий со студентами (например, рукописи Корана, другие – предполагал подвергнуть научному исследованию и переводу).

В 1829-1831 гг. Дорн заведовал нумизматическим кабинетом университета, который насчитывал к тому времени 1300 восточных монет [Ковалевский 1961, 29]. Некоторые персидские монеты были приобретены в годы заведования Дорна, очевидно, при непосредственном участии [Фойгел 1859, 39-40].

В июле 1834 г. Дорн, как уже упоминалось, был отправлен в командировку в Вильну, где вместе с преподавателями Киевского университета должен был принять учебно-оборудование, книги и нумизматические коллекции закрытого Виленского университета [Историко-филологический факультет 1908, 222]. В этой командировке Дорн пробыл целый год, но привезти весьма ценную нумизматическую коллекцию в Харьков ему так и не удалось, ибо ее решено было передать в Киев [см.: *Über einige aus dem Munzkabinett 1837*].

Работая в Харькове, Дорн не прекращал заниматься научной деятельностью. Прежде всего, он продолжал работать в рамках своей специальности – афганистики. Очевидно, именно в Харькове Дорн изучил творчество афганского народного поэта XI в. Абдурахмана и перевел на немецкий язык его основные сочинения. Во всяком случае, сразу же после переезда в Санкт-Петербург, в 1835 г., Дорн выступил в Академии наук с докладом о творчестве указанного поэта и опубликовал статью с текстами и переводами его основных «диванов» [Дорн 1835]. Продолжал ученый заниматься и переводом «Истории афганцев» Ни Амметулы. Второй том перевода вышел в Лондоне в 1836 г. [Дорн 1836]. Как и в первом томе, вышедшем в конце 1829 г. [Дорн 1829], Дорн был назван здесь «профессором восточной литературы Императорского русского университета в Харькове». Оба тома были снабжены обширными грамматическими и историческими комментариями, в которых с привлечением огромного количества источников восточного происхождения (афганских, персидских, арабских, индийских и др.) рассматривались самые различные вопросы афганистики. Дорн впервые приводит здесь полный список употреблений терминов «афганцы» и «Афганистан» в литературе и документах [Дорн 1836, 62], подвергает обстоятельной критике распространенные в те годы воззрения о израильском происхождении афганцев, доказывает наличие тюркского элемента в афганском этносе, подробнейшим образом исследует историческую географию Афгани-

стана, уточняет многие даты и события афганской истории [Дорн 1836, 64-78]. Большинство положений, выдвинутых Дорном в комментариях, сохраняют свое значение для афганистики и в настоящее время [Ромодин 1953, 157-159].

В самом Харькове вышла лишь одна печатная работа Дорна, которая заслуживает, однако, самого пристального внимания. Это – монографическое исследование «О родстве славянского языка и санскрита» [Дорн 1833]. Основные положения этой работы Дорн впервые изложил в речи на торжественном акте Харьковского университета 30 августа 1832 г. [Ковалевский 1961, 30]. В исследовании Дорн развил эти положения, подкрепив их огромным количеством лингвистического материала и общетеоретических рассуждений.

Данная работа продолжала изыскания Дорна в области сравнительного языкознания, начатые в исследовании 1827 г. о родстве персидского языка с европейскими [Дорн 1827a], которое, впрочем, существенно уступало новому сочинению как по объему, так и по широте научного подхода. Несомненно, что на мысль о написании подобной работы Дорна наводило пребывание в живой славяноязычной среде, ранее ему недоступное. Материалы исследования показывают, что немецкий ученый к 1832-1833 гг. отлично освоил разговорный русский и церковнославянский язык, а также ознакомился с польским и чешским.

Во вводной части исследования Дорн рассуждает о теоретических постулатах сравнительного языкознания и методологии компаративных исследований. В частности он подвергает жесткой критике распространенный в те годы метод сличения слов из разных языков по внешней форме и звучанию и настаивает на том, что только более глубокое сравнение грамматики, морфологии и лексики может выявить истинное генетическое родство между языками [Дорн 1833, 2-5]. Выступает Дорн и против популярного мнения о санскрите как об «отце» всех «индийских, персидских и большей части европейских наречий» [Дорн 1833, 6]. По его мнению, санскрит немногим древнее персидского, протославянского или готского, и вместе со славянскими, иранскими, германскими, романскими и другими индоевропейскими языками происходит от одного общего праязыка. Сравнение «славянского языка» с санскритом Дорн производит на основании строгого научного метода путем детального внутреннего исследования обоих языков. Сначала рассматривается грамматика (состав и склонение существительных и прилагательных, местоимений, числительных, спряжение глаголов, анализ и сравнение глагольных корней и основ), затем – лексика. Основными языками, подвергающимися сравнению, выступают санскрит и старославянский. Однако Дорн постоянно прибегает к использованию данных из русского, чешского и польского языков, считая их в некоторых случаях более близкими к санскриту, чем формы старославянского языка [Дорн 1833, 17, 24-26, 71-72, 93, 100-104]. С другой стороны, некоторые более древние, чем в санскрите, формы ученый находит в бенгальском, хиндустани и пали. В заключении Дорн приходит к выводу, что славянские языки родственны с санскритом в такой же степени как германские, а иногда вскрывают и значительно более близкие к санскриту пласты, что, по мнению ученого, может свидетельствовать о тесных родственных связях славян с индоиранскими народами [Дорн 1833, 178-180].

Работа Дорна, по существу, явилась первым подлинно научным исследованием, посвященным проблеме родства славянских языков с санскритом [Вигасин 1986, 271; История отечественного востоковедения 1990, 345]. Она впервые ввела славянский

материал в сравнительное языкознание и позволила по-новому поставить проблемы индоевропейской языковой общности и происхождения славян. По глубине научно-лингвистического исследования, строгости научного метода и оригинальности в водое сочинение Дорна существенно превосходило знаменитую «Сравнительную грамматику» Ф. Боппа [Ворр 1816] – главную работу тех лет по индоевропейской компаративистике [Виасин 1986, 271]. К сожалению, труд Дорна остался в свое время незамеченным большей частью исследователей и поэтому не оказал на сравнительное языковедение того влияния, которое бы можно было ожидать.

Таким образом, работая в Харьковском университете, Б. А. Дорн проводил разностороннюю и обширную научно-педагогическую деятельность, стремясь создать в университете условия для развития научной ориенталистики. Восточное образование в высшем учебном заведении было поставлено при нем на должный уровень и приобрело весьма передовой характер в сравнении с другими российскими университетами. Как свидетельствуют многочисленные источники, Дорн относился к работе в Харькове исключительно серьезно, создавал базу не только для педагогической, но и для научной деятельности, полагая очевидным, закрепиться в университете на долгие годы. В области научных исследований Дорн не только продолжал начатые ранее изыскания по афганистике, но и обратился к принципиально новым для него «славянским» мотивам. Как и некоторые иностранные ученые первых двух десятилетий XIX в., он сумел найти в Харькове материал для восточноведческих исследований, почерпнув его, однако, не из окружающей действительности, а из языка.

Парадоксально, что в конечном итоге именно научная активность Дорна послужила причиной его ухода из Харьковского университета. Российское правительство, заинтересованное в расширении своего влияния в Афганистане, обратило внимание на изыскания ученого в области афганистики, и в 1835 г. он был приглашен в Петербург занять должность профессора истории и географии Азии в Институте восточных языков при Министерстве иностранных дел. 8 октября 1835 г. Дорн по собственному прошению был уволен из Харьковского университета и переведен в чин надворного советника при МВ [АРНБ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3, л. 11 об-12]. Вся дальнейшая деятельность ученого была связана с Санкт-Петербургом – с Институтом восточных языков при МИД, Петербургским университетом, Академией наук и Императорской публичной библиотекой [АРНБ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3, л. 14-16; РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 510, л. 12-13; РГИА, ф. 744, оп. 1, ед. хр. 18, л. 65-68; СПОРАН, ф. 68, оп. 1-1842, ед. хр. 8, л. 4-7; Куликова 1975, 202-228; *История отечественного востоковедения* 1990, 250-255; *Сотрудники Российской национальной библиотеки* 1995, 193-195]. Основания для этой блестящей восточноведческой карьеры, как показывает вышеизложенный материал, были заложены во время работы Дорна в Харькове, где ученый освоил русский язык, осознал потребности Российского государства в области развития ориенталистики и проявил себя как талантливый ученый-востоковед. Поэтому негативная оценка харьковского периода в карьере Дорна, утвердившаяся в современной научной литературе, не является объективной. Именно в Харькове Дорн сформировался как российский востоковед, что позволило впоследствии добиться больших успехов в центральных научных учреждениях Российской державы.

Что же касается собственно харьковской университетской ориенталистики, то шестилетний период работы Дорна был временем первого ее расцвета. Впервые преподава-

ние восточных языков было налажено в Харьковском университете должным образом. В Харькове была издана первая серьезная востоковедческая работа, а научно-методическая база пополнилась внушительной коллекцией восточных источников и значительным количеством специальной литературы. Дорн не оказал существенного влияния на профессиональную ориентацию выпускников университета, но некоторые из них, благодаря полученной у него подготовке, несомненно, неплохо освоили восточные языки. Не исключено, что если бы Дорн продолжал работу в Харькове и в дальнейшем, у него появились бы последователи и преемники из числа харьковских студентов, и ориенталистика здесь развивалась бы таким же путем, как в Москве, Петербурге или Казани. Уход же Дорна повлек за собой упадок классического востоковедения в Харьковском университете, конечным итогом которого стало закрытие харьковской кафедры восточных языков в 1851 г.

Литература

- АРНБ (Архив Российской национальной библиотеки) Фонд 1: Канцелярия публичной библиотеки в Санкт-Петербурге до 1917 г.
- Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (По неизданным материалам). Т. 2: 1815-1835 – Харьков, 1904.
- Багалей Д. И., Сумцов Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования. – Харьков, 1906.
- Болдырев А. В. Краткая арабская грамматика в таблицах. – М., 1827.
- Болдырев А. В. Персидская хрестоматия. Часть 1. Грамматика и словарь. – М., 1826.
- Вeselovsky Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1876 – Т. 1. – С. 97-256.
- Виасин А. А. Изучение индийской культуры в России в первой трети XIX в. // Индия 1984 Ежегодник. – М., 1986.
- Данциг Б. М. Ближний Восток в русской литературе и науке (Дооктябрьский период) – М., 1973.
- Документы РГВИА о посвящении турецким послом Гамиль-пашой военных послепенных (1829-1830) // Отечественные архивы. – 1995 - № 6 – С. 90-91.
- Дорн Б. А. Некролог // Отчет Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1881 г. – СПб. 1882.
- Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905). Часть 2: Биографический словарь профессоров и преподавателей – Харьков, 1908.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М., 1990.
- Каразин В. Н. Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные проф. Д. И. Багалеем – Харьков, 1910.
- Ковалевский А. П. Описание восточных рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского гос. университета // Библиография Востока. – 1934 – Вып. 7 – С. 93-115.
- Ковалевский А. П. Вивчення Сходу в Харківському університеті та Харкові у XVII-XX століттях // Антологія літератур Сходу – Харків, 1961.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Доскатырский период. Л., 1982.

Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Литературное наследие. – СПб., 1890.

Крачковский И. Ю. Очерки истории русской арабистики // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: В 5 т. – М., 1957. – Т. 5. – С. 9-187.

Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII – 1917 г.). – СПб., 1993.

Куликова А. М. Б. А. Дорн и университетское востоковедение в России // Народы Азии и Африки. – 1975. – № 2. – С. 220-228.

Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. – 1986.

Мазитова И. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая пол. XIX в.). – Казань, 1972.

Общий отчет министра народного просвещения за 1835 г. – СПб., 1836.

Общий устав Императорских российских университетов. – СПб., 1837.

Объявление публичного преподавания наук в Императорском Харьковском университете по определению Совета имеющего происходить от 17 августа 1829 по 30 июля 1830 г. – Харьков, 1829.

Объявление публичного преподавания наук в Императорском Харьковском университете по определению Совета имеющего происходить от 17 августа 1830 по 30 июля 1831 г. – Харьков, 1830.

Объявление публичного преподавания наук в Императорском Харьковском университете по определению Совета имеющего происходить от 17 августа 1831 по 30 июля 1832 г. – Харьков, 1831.

Объявление публичного преподавания наук в Императорском Харьковском университете по определению Совета имеющего происходить от 17 августа 1832 по 30 июля 1833 г. – Харьков, 1832.

Ольдерогге Д. А. Изучение африканских языков в России // Изучение Африки в России (Доревлюционный период) – М., 1977.

РГИА (Российский государственный исторический архив).

Ромодин В. А. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1953. – Вып. 1. – С. 148-184.

Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Библиографический словарь. Т. 1. Российская публичная библиотека. – СПб., 1995.

СПОАРАН (Санкт-Петербургское отделение Архива Российской академии наук).

Стариков А. А. Восточная филология в Московском университете // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1960. – Вып. 3. – С. 147-165.

Фойт К. Историко-статистические записки об Императорском Харьковском университете и его заведениях от основания университета до 1859 г. – Харьков, 1859.

Чувпило Л. А. Зарождение востоковедения в Харьковском университете (1805-1826) // Хазарский альманах. Т. 3. – Харьков, 2004.

Vopp F. Über das Conjugationsystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. – Frankfurt am Main, 1818.

Dorn B. A. Commentatio de psalterio aethiopico. – Lipsiae, 1825.

Dorn B. A. Drei lustgange aus Saadis Rosenhain. – Hamburg, 1827.

Dorn B. A. Über die Verwandtschaft des persischen, germanischen und griechischen lateinischen Sprachstammes. – Hamburg, 1827a.

Dorn B. A. Description of an Arabic Celestial Globe Belonging to Sir J. Malcolm Deposited in the Museum of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland // Proceedings of the Royal Asiatic Society. – 1828. – P. 45-101.

Dorn B. A. History of the Afghans of Neamet Ullah, Translated from the Persian by B. Dorn, Professor of Oriental Literature in the Imperial Russian University of Kharkoff. Part 1. – London, 1829.

Dorn B. A. De affinitate linguae slavicae et sanscritae. – Kharkovitas, 1833.

Dorn B. A. Proben aus dem Diwan des afghanischen Abdurahman // Bulletin des Sciences d'Academie Imperiale des Sankt-Petersburg. – 1835. – V. 1. – P. 118-156.

Dorn B. A. History of the Afghans of Neamet Ullah, Translated from the Persian by B. Dorn, Professor of Oriental Literature in the Imperial Russian University of Kharkoff. Part 2. – London, 1836.

Dugat G. Histoire des orientalistes de l'Europe du XII au XIX siecle precedee d'une esquisse historique des etudes orientales. V. 1. – Paris, 1868.

Über einige aus dem Münzkabinett der ehemaligen Wilnaschen Universität an die St.-Vladimir zu Kiew übergegangenen morgenländischen Münzen // Bulletin des Sciences d'Academie Imperiale des Sankt-Petersburg. – 1837. – V. 2. – P. 12-44.

Резюме

Чувпило Л. О. Сходознавча діяльність Б. А. Дорна в Харківському університеті.

Стаття присвячено харківському періоду наукової кар'єри видатного російського орієнталіста німецького походження Б. А. Дорна. У дослідженні докладно проаналізовано основні напрями педагогічної та наукової діяльності відомого вченого в Харківському університеті. Вперше відтворено перелік та загальний зміст курсів, що читав Дорн в університеті протягом шести років (1829-1835), розглянуто в контексті історії орієнталістичних наукових праць, написаних вченим під час роботи в Харкові. Всупереч традиційній точці зору, в статті доведено, що Дорн ставився до праці в Харкові з усією відповідальністю, намагаючись створити тут міцну базу для розвитку сходознавства. Харківський період діяльності був найважливішим етапом у процесі формування Дорна як російського сходознавця та заклав міцне підґрунтя для його подальшої блискучої кар'єри.

Summary

Chuvpiilo L. O. The Orientalistic Activity of B. A. Dorn in Kharkov University.

The study is devoted to the Kharkov period of career of famous Russian, German origin, orientalist B. A. Dorn. Main trends of his activity in the Kharkov University are analyzed in the article in details. At the first time the list and contents of courses, taught by Dorn in Kharkov during six years (1829-1835), are fully reconstructed, and all of the works, wrote by him there, are considered in the context of contemporary orientalist. Contrary to the traditional point of view, it is shown in the article that Dorn approached to his work in Kharkov very fundamentally

and tried to create there essential base for development of the oriental studies. Kharkov period was a time of Dom's shaping as a Russian orientalist and it has created deep background for his brilliant scholar career in future.

